

Майя Новик



ШЕСТЬ ДНЕЙ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

Майя Новик

Шесть дней Всемирного потопа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37665127

ISBN 9785449340627

Аннотация

Мотоцикл – это свобода, скорость, вольница. А дальняя дорога – это невероятный кайф! Но что делать, если вокруг суровая Сибирь, все время идет дождь, температура воздуха не поднимается выше плюс десяти, а дождевики промокают по швам? Только он, она, два мотоцикла, дождь и раскисшая дорога в тысячи километров. Как преодолеть все это? Как сохранить любовь? Как выжить?

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	8
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Шесть дней Всемирного потопа

Майя Новик

© Майя Новик, 2018

ISBN 978-5-4493-4062-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Повесть «Шесть дней Всемирного потопа» – это не очередная история про свободу и прелести мотоциклетной жизни. Это правда о «дорожной романтике».

В центре событий – мужчина и женщина, два стареньких мотоцикла, выстраданных и желанных, и тяга к путешествиям.

Бывает так, что какой-нибудь небедный денди кичится тем, что он путешественник до мозга костей, что объездил всю Россию вдоль и поперек. А начинаешь выяснять подробности, и оказывается, что ездил-то он на комфортабельной иномарке, останавливался в дорогих гостиницах и питался в ресторанах. В своей беленькой футболочке и шортиках он выходил на балкон подышать немного воздухом, чтоб комары не успели наброситься. И вернется этот денди домой через недельку, и будет хвалиться, мол, я в горы ездил...

Именно таких путешественников главная героиня книги именует насмешливо «дачниками» и противопоставляет себя им.

«Дачникам» не понять, каково это – гнать все дальше, когда тело от холода пробирает дрожь и руки от усталости еле держат руль, когда промокает одежда, а дождь и не думает прекращаться. Им неведомо, когда у тебя не хватает денег на ночлег в гостинице, а официанты в придорожном ка-

фе, брезгливо морщась из-за твоей грязной, мокрой одежды, приносят едва теплую тарелку супа.

Зачем все это? Угроза здоровью, проверка на прочность себя и мотоциклов, постоянное напряжение и зависимость от погодных условий? Да затем, что без этой стороны жизни герои чувствуют себя незавершенными. Это как потребность в еде и сне, такая же необходимая и неоспоримая. Путешествие для героев книги – возможность почувствовать, что они нужны друг другу, что они – две половинки одного целого, две части одного механизма.

Города и деревни остаются позади, путаются названия, теряется счет времени, поток воды из-под колес фур заливают стекло шлема, и далеко впереди маячит призрачный свет Цели, которая гонит вперед и не позволяет бросить все и вернуться в теплый, уютный дом.

Или это – лишь свет приближающегося «дачника» на новенькой иномарке?

Ольга Шустова, редактор портала blog.shmoto.ru (г. Томск)

События и герои – вымышлены совпадения случайны.

Вода же усиливалась
и весьма умножалась на земле,

и ковчег плавал по поверхности вод.
(*Быт. 7:18*)

Глава первая

Тэнэра!

...Эти мотоциклы мы выстрадали, заслужили, заработали. Они стали нашими по праву. Мы заплатили за них кровными деньгами, мы горбатились на них целых два года. Почему же тогда все так странно на нас смотрят? Куда подевались радушные хозяева кафе, приветливые официантки, дружелюбные дальнобойщики и просто добряки-автомобилисты? Почему, ну почему за всю поездку, за тысячи километров я так и не увидела участливого лица?

А ведь погодка-то явно не для прогулок на мотоцикле, вроде, пожалеть нас надо, так ведь нет: везде встречают равнодушные, иногда неприязненные, а то и откровенно злорадные взгляды. Неужели в этом виноваты именно наши мотоциклы? Наши старенькие, поезженные эндурки¹?

Есть люди, которым, кажется, все само идет в руки: и родители у них люди не бедные, со связями, и учеба дается легко, и в жизни все понятно. И ждет таких ребят, как правило, хорошее место работы после учебы в престижном вузе, место, давно присмотренное и нагретое мамами и папами. И – не проходит и пяти лет, как смотришь, уже и машина

¹ Эндуро – мотоцикл с длинноходными подвесками для езды по бездорожью. Эндурки (жарг.) – уменьшительное от эндуро.

у него хорошая, и квартира не в самом последнем районе, и фирмочку свою небольшую уже открыл: обязательно торговую, кто сейчас связывается с производством? Только чудачки. Нет, звезд они с неба не хватают, живут как все: ездят отдыхать в Турцию или в Египет, а кто побогаче – на Тенерифе, заводят детей – не больше двух, больше – хлопотно, и дуростями разными, вроде мотоциклов, не страдают. А если и страдают, то «вполнакала», «вполсилы»: так, поездить один сезон, а потом с чистой совестью пересесть на «Тойоту» или БМВ, а если и вспоминать об этом, то только за кружкой чешского пива в компании друзей, чтобы придать себе побольше весу. Позже, к сорока годам, уже обретя достаточный «статус», они покупают уже «большой» мотоцикл или снегоход, кому что нравится, но это уже не мечта, это тоже – подтверждение благополучия, статуса. И ездят многие на этом «подтверждении» два – три раза в году, потому что как-то неудобно не ездить на том, за что отдал десять – двенадцать тысяч долларов.

Нам же мотоциклы были нужны, хоть вешайся. Настоящему мотоциклисту без мотоцикла как цыгану без лошади, как без охотнику без ружья, как туарегу без верблюда. Тоска.

Но раз не повезло, значит, везти не будет долго.

И хоть бейся головой о стену, хоть выворачивайся наизнанку, ничего не попишешь, ничего не изменишь. Странно это все, словно мы заговоренные. Ничего не дается просто так, все приходится добывать в бою, в борьбе, в поту,

немыслимыми заботами.

Везунчик, для которого мотоцикл, в общем-то, так себе вещь, не первой необходимости, ему он нужен – девочек кадрить, перед пацанами покрасоваться, с байкерами разок-другой потуситься да и продать его, от греха подальше, чтоб не разбиться ненароком; так вот для таких купить мотоцикл – ничего сложного, пошел и купил.

Но мы «легких путей не ищем». И не надо думать, что мы просто рады усложнить себе жизнь до невозможности, нет, это происходит просто потому, что происходит. Просто Кто-то Там, Кто живет далеко, наверху, дальше, чем можно себе представить, над небом, над космосом, в мире горнем, очень хочет, чтобы путь наш был устлан терниями, а не розами. Вот и все. По-другому объяснить невозможно. Ему хочется, чтобы каждое мгновение радости было оплачено солеными часами работы.

Мотоциклы были нужны позарез. Все началось с того, что мой «Урал» утоп. Его унесло бурным потоком туристической жизни вниз по горной реке в глухой тайге на северо-западе Байкала, и нашли его через полтора километра на другом берегу, обкатанным, как камешек. Двигатель и коробка были под завязку набиты песком, коленвал не проворачивался, шестерни в коробке за те два дня, что мотоцикл пролежал в воде, заржавели, номер на карте стесало о камни; так что восстановлению мотоцикл, конечно же, подлежал «за осо-

бье заслуги» передо мной, Алиной Васильевой, вот только работы было начать и кончить, то есть провести в ледяном, неудобном гараже еще как минимум год. И это большой вопрос, получится ли в результате нормальный чоппер².

К этому моменту мы с Алексеем занимались мотоциклами шесть лет. Шесть лет мы каждую зиму проводили в гараже за бесконечными переделками и капремонтами «Уралов», и мне потихоньку все это стало надоедать. Пусть завзятые уралисты меня простят, но после потери мотоцикла и грандиозной и поразительно немногословной ссоры с товарищами туристами (ссора не стала менее грандиозной от молчаливости ругающихся сторон), хотелось немного радости, немного отдыха. Хотелось на время перестать греметь ключами в гараже и беззаботно поездить, поколесить по нелегким дорогам страны. На других посмотреть, себя показать...

Так что нам нужны были японские мотоциклы.

Купленный «по случаю» маленький «Кавасаки Эллиминатор» с объемом двигателя в двести пятьдесят кубиков и, казалось бы, «сказочной» мощностью в сорок «лошадей» меня не спас: ну что это такое после шестисот пятидесяти кубов и двухсот пятидесяти килограммов громадного, синего, как далекое сказочное море, «Урала»? Пшик и ничего более.

² Чоппер – мощный, хромированный мотоцикл для байкерских «покатушек» по городу.

Велосипед, мопед, скутер, дырчик. Ездить на нем – легко, не ездить – тоже. К тому же единственное, где можно было без опаски колесить на этом мотоцикле, было асфальтовое шоссе.

На второй сезон я просто отказалась на нем ездить. Неинтересно. Все, точка. Продать, добавить, купить что-то другое. Но – мне пришлось подождать. Дело в том, что Алексей, поездив на «Кавасаки», быстро смекнул, что даже убитый японский «старичок» во много раз лучше только что отремонтированного «Урала», и решил продать свой «Соло»³, и далее поступить по той же схеме: продать, добавить, купить. И я уступила первенство ему. В конце концов, он столько сделал для меня, что было бы непростительным грехом тянуть супружеское одеяло на себя. Оно могло не то чтобы порваться, но – затрещать. А это в мои планы не входило.

Сказано – сделано. Мне удалось продать печальную историю утопления моего героического «Урала» в суровой северной реке немцам. Оказалось, немцы любят сентиментальные истории про медведей, наводнения и тайгу. Больше всего их заинтересовали фотографии: парняги с яростными синими глазами, со свирепыми славянскими физиономиями, в распахнутых телогрейках, в военных кителях, в тельняшках, в расхристанных строительных подшлемниках, на древних мотоциклах с овальными, зелеными ветровиками, бесстрашно бросающиеся в обезумевшие от паводка дикие, гор-

³ «Соло» – «Урал-Соло», мотоцикл производства ИМЗ без коляски.

ные реки: сплошная экзотика!

Я получила от них заветную «штуку евриков», но все же то и дело задумывалась, рассматривая фотографии, я хотела знать: о чем, собственно говоря, думали бургеры, глядя на коренных сибиряков, чьи деды в свое время разгромили сильнейшую в мире армию? Или они предпочитали вполне политкорректно не вспоминать о былом?

Гонорар был по европейским меркам небольшим. Наш друг Мика Кун, отец которого был немцем, а мать – финкой, что всегда забавляло Алексея, ведь наши деды воевали с родителями Мики по обоим линиям, а внуки спустя пятьдесят лет ездили вместе на мотоциклах и пили пиво, размышляя о вечном, сказал, что редактор, как и следовало ожидать, настоящий гонорар зажил, но это меня, впрочем, не особо расстроило: при хроническом безденежье и это – хлеб. На таком расстоянии кулаками махать на пользу еще никому не шло. Это выслали, – и ладно.

Алексей продал свой «Соло». Я до самого конца не верила, что он его продаст, потому что не было в жизни ничего такого, что он любил бы больше, чем свой мотоцикл. И вот надо же – расстался. Впрочем, он, как заботливый хозяин породистого скакуна, сам, лично, присмотрел нового владельца мотоцикла – знакомого парня двадцати двух лет.

«Не дурак и задоручием, вроде бы, не страдает», – такой вердикт вынес он и оказался прав: ухоженный «Соло» вот уже несколько лет исправно возит своего второго хозяина

по Ангарску.

Итак, мы сложили наши «капиталы», добавили то, что удалось накропить за зиму, и «гордо расправив крылья», стали смотреть по сторонам в поисках нужного эндуро.

Все было как всегда, то есть не так, как хотели мы. Мы хотели шестисоткубовую «Икстэxu»⁴, но в салонах были только сухопарые «стаканчики»⁵. Поэтому пришлось купить то, что не планировали. В двух тысячах километрах от Ангарска, в Новосибирске в салоне «Новосиб-Мото», стоял «старичок» «Ямаха Тенери»⁶, и бегал этот старичок по земле, если верить продавцам, уже 16 лет. Алексея он загипнотизировал. Делать было нечего, пришлось отправиться за «телушкой» в другой город.

Приехав на место в душном, тесном вагоне, упревшие и задохнувшиеся, голодные и уставшие, мы с надеждой стояли на просторной, чистой привокзальной площади Новосибирска. Термометр в семь утра показывал плюс двадцать девять. Если бы не бочоночек аппетитного мате́, который я одолела в чайной, я бы, наверное, упала в обморок от жары еще до обеда. Умные все же люди, эти южноамериканские индейцы, такой волшебный напиток придумали!

Света в салоне не было. Сидеть не на чем, купить попить

⁴ «Икстеха» (жарг.) – мотоцикл YamahaXT600

⁵ «Стакан» (жарг.) – двигатель объемом в 250 см³

⁶ «Ямаха Тенере» – Yamaha TenereXT600Z

или поехать – негде. Ну а мотоцикл... Что мотоцикл? Сразу стало ясно, что он старше на три года, что в двигатель кто-то лазил: прокладка под головкой цилиндра была вырезана из паронита, что спидометр скручен, (а кто его нынче не скручивает? Только Алексей!). Мотоцикл явно барахлил: норовил заглохнуть на малых оборотах. «Механикусы» из мастерской пытались исправить дело: что-то крутили, меняли свечи, но результата это не давало. Я сидела на рюкзаке и тоскливо смотрела в распахнутые двери салона на раскаленный асфальт, на автомобили, нестерпимо сверкающие под неумолимо горящим, как ксеноновая фара, солнцем, которые неслись по шоссе. В сумраке душного мотосалона бело-красная «Ямаха», горбатящаяся огромным баком, больше похожая на слона, чем на мотоцикл, выглядела угрожающе. Когда я взглядывала на нее, то испытывала приступы робости, но понимала, что все уже решено: Алексея «несло».

Дело было в том, что он любил все мотоциклы без исключения. Его часто звали друзья посмотреть мотоцикл при покупке и оценить его техническое состояние. Зря они так делали, они не знали, бедные, что это было бесполезно: Алексей не мог сказать про мотоцикл, что тот – «плохой». Для него все без исключения мотоциклы были хорошими. Он относился к ним, как, наверное, любящий свое ремесло конюх относится к породистым лошадям. Мотоциклы «на ходу» были «хорошими» конями, а к неисправной или поломанной технике он относился, как к зауросившей или за-

болевшей лошади, с сочувствием и пониманием. С заупрямившейся лошадью нужно было договориться, найти общий язык, а заболевшую – вылечить.

Алексей ходил вокруг «Тенере» совершенно шальной, и я поняла, что он ни за какие коврижки не поедет обратно на поезде. Он был готов отдать все заработанные за год деньги не только за мотоцикл, но еще и за приключение: ему хотелось поехать в Ангарск на «Ямахе». Не то чтобы дорога была незнакомой: мы ездили по ней уже шесть раз, но еще ни разу он не ездил по ней на японце. Да еще на эндуро! Так что все было уже решено, и оставалось только подождать, когда молодые, бестолковые механики найдут неисправность. Механики ремонтировать мотоцикл не умели или не хотели, и покупка совершилась только к пяти часам вечера.

Ни о каком марш-броске до Красноярска не могло быть и речи, и поэтому пришлось ночевать у знакомых мототуристов. Свою покупку Алексей на ночь запихал в металлический гараж, стоявший под окнами. В первый раз мы видели, как в металлическую коробку без проблем входят огромный внедорожник «Нисан Терано» и шесть мотоциклов: ЗИД, «Ява», «ИЖ», две «Хонды» и наша «Ямаха»! Вот бы кто-то славно поживился, если бы вскрыл этот гараж.

Мы спросили владельца гаража, возможно ли такое, на что он недоуменно посмотрел на нас и ответил, что хранит все свои приобретения в нем уже много лет, и за это время никому не понадобился ни внедорожник, ни мотоциклы.

И в самом деле! Да на фиг надо! В родном Ангарске такой гараж возле дома не простоял бы и ночи: его просто погрузили бы вместе со всем содержимым на платформу и увезли подальше, чтобы вдали от бдительных окон хозяев наслаждаться приобретениями.

Почувствовав приступ тоски, – живут же люди! – мы оставили мотоцикл в гараже и провели спокойную ночь на полу одной из комнат просторной квартиры.

На следующий день мы встали в семь утра, а в восемь уже прощались с владельцем гаража на окраине города. Вскоре Новосибирск остался далеко позади, по обочинам замелькали знакомые названия. Алексей испытывал легкое беспокойство по поводу «Ямахи», – пропавшие было вчера перебои в двигателе с утра возобновились, мотоцикл глох, стоило сбросить газ. Я же испытывала состояние беспечной легкости: предыдущие путешествия показывали, что безвыходных ситуаций не бывает, и что помощь на дороге приходит тогда, когда ты уже совсем впал в отчаяние, следовательно, расстраиваться вообще никогда не стоит, и по большому счету, все проблемы надо решать по мере их поступления. А сейчас – надо ехать, пока едет, потому что каждый пройденный километр приближает нас к дому.

Я беззаботно глядела по сторонам, читала таблички с названием городков и поселков и в который уже раз мечтала о том, что когда-нибудь напишу о том, какие несуразные, за-

бавные, а порой и смешные названия встречаются. При этом я прекрасно понимала, что как только мы вернемся в Ангарск, я не буду помнить и десятой доли того, что прочитала на указателях. Для подобных записок хорошо иметь с собой ноутбук или хотя бы записывать все на остановках в блокнотик, но первое – непрактично, а второе – лениво, а значит, все это так и останется в мечтах.

Не смотря на то, что мы еще в Ангарске договорились, что поведем мотоцикл по очереди, я не испытывала ни малейшего желания сесть за руль этой длинноногой лошади, о чем и сообщила Алексею. О каком вождении можно говорить, если я ногами еле достаю до земли? А если я его уроню? Конец баку и поворотникам!

Правда, я дипломатично умалчиваю, что у Алексея такая же проблема, рост у нас одинаковый. Но он, в отличие от меня, никогда ничего не боится, иногда мне кажется, что воображение, в том качестве, в котором оно присутствует у меня, – рисующее всякие беды и несчастья, у него отсутствует. Тем лучше для нас обоих, по крайней мере, один из нас всегда остается бесстрашным, а второй – осторожным.

Алексей выслушал меня и пожал плечами. Он был в азарте: мотоцикл легко выдавал сотню, в лицо били лучи солнца, назад убегали поросшие яркой зеленью обочины. И потом: ведь это был его мотоцикл! Его! Так что я решила отстраниться. Он и так практически отдал мне свой «Соло» после того, как утонул мой «Урал». Кто из мужчин может отдать

свою любимую машину жене? А любимый мотоцикл? Вот то-то и оно!

Перед Кемерово нас остановила полосатая палочка инспектора ГИБДД.

Мотоцикл послушно свернул на обочину и остановился возле веснушчатого офицера в мокрой от пота голубенькой форме. Мы стали стаскивать с себя шлемы. Инспектор направился к нам, но вдруг нерешительно остановился и сдвинул жезлом фуражку на затылок.

– Я что-то не понял... – протянул он. – Да вы русские?

Радостно екнуло сердце: раз нас приняли за каких-нибудь «дойчей» или «америкосов», значит, наша «лошадь» была хоть и стара, но все же породиста! И хотя велик был соблазн сказать что-нибудь вроде: «Yes of course. But do you speak English?» (Да, конечно, но все же – вы говорите по-английски?) просто, чтобы увидеть, как глаза гаишника округлятся еще больше, и он совсем растеряется, потому что все английские слова разом вылетят у него из головы, – я знаю, со мной такое происходило неоднократно, – я вдруг сжалилась над парнем.

Несмотря на ранний час, над дорогой стояло жаркое марево, мозги у него вытекали из-под фуражки обильными каплями пота, да к тому же – кто знает? – вдруг не поймет моей шутки или – что еще хуже! – окажется полиглотом? – неприятностей тогда не оберешься. Примет нас за иностран-

цев и потребует документы!

Ни разу за все шесть лет я не видела, чтобы у иностранцев автоинспекторы проверяли документы, но случай, говорят, бывает всякий...

Поэтому быстренько стащив с лица бандану, я почему-то басом сказала:

– Да русские мы, русские!

И это чистосердечное признание обошлось нам в сто рублей. Алексей даже обрадовался, узнав, за что требуют деньги: оказывается, мы превысили скорость! Ни разу за десять лет водительского стажа его не штрафовали за превышение скорости. Это потому что он всегда неторопливо ездил на «Урале» или на «Урале» с коляской. Это я с самого начала носилась, как угорелая, распугивая автомобилистов. У Алексея всегда было другое отношение к езде. Ему важно было не просто доехать из пункта А в пункт Б, ему важен был сам процесс, который приносил ему колоссальное удовольствие: ему нравилось ехать неторопливо, так, чтобы можно было рассмотреть все на обочинах дороги, ему нравились и остановки, – он получал наслаждение даже от обычного кофе, сваренного у обочины на примусе.

Но сегодня на него повлияла «Ямаха», и он был рад тому, что мы вместо положенных шестидесяти без труда шли девяносто. И даже поторговался с инспектором, выиграв для семейного бюджета нелишний полтинник.

– А че ты так, проблемы, что ли? – удивился гаишник.

– Да что-то с движком, глохнет на холостых.

Нет худа без добра. Взгляд Алексея снова обратился к мотоциклу и на этот раз упал под каким-то особым углом.

– Я понял, в чем дело! – хлопнул он себя по лбу. – Они неправильно прокинули тросик обогатителя! Смотри – его закусывает!

Так и было. Утром Алексей открыл обогатитель, чтобы завести мотоцикл, потом закрыл, тросик закусало, клапан не закрылся, мотоцикл захлебывался бензином и то и дело глох.

Правильно прокладывая тросик, Алексей придумывал горе-механикам из «Новосиб-Мото» прозвища, среди которых «ездюки» и «щенки молодые» были самыми безобидными.

Проблема исчезла, как и не было.

К вечеру на подъездах к Красноярску мы вдруг обнаружили на трассе попутчика: какой-то шальной мотоциклист ехал на тяжело нагруженном дорожнике. Квадратные багажные ящики выдавались в стороны, к спинке прикреплены два металлических штыря. На штырях была натянута веревочка для белья, и даже пара прищепок на ней болталась.

Мотоциклист маячил то впереди, то сзади, наверное, мы его где-то обгоняли, но где – не видели. Наконец, он догнал нас у кафе. Не думаю, что он гнался за нами специально,

скорее всего, увидел возле забегаловки «Ямаху» да и притормозил.

Мы ожидали увидеть очередного дюжего мужа, похожего на варяга, много их таких колесило по российским дорогам, но к нашему удивлению оказалось, что за рулем бородатый джентльмен библейского возраста. Он был невысок, наголо брит, одет в чудовищные кожаные штаны на лямках, белоснежную футболку и черные, растоптанные мотоботы.

Мы пытались с ним заговорить, но оказалось, что он не говорит по-английски и ни слова не знает по-русски. Удалось выяснить, что он немец, что его зовут Гюнтер, что ему семьдесят восемь лет, и что он едет аж в Монголию!

Гюнтер, неторопливо шаркая мотоботами, сходил к стойке, заказал чаю с лимоном, потом, так же не торопясь, подсел к нам и вытащил паспорт. Он тыкал скрюченным пальцем в штампы на страницах:

– Ливан, Сирия, Эгипет, Иордан, Ливия, Нигерия...

Я ушла, унесла тарелки с остатками ужина, купила с собой минеральной воды, вернулась.

Он не переменял положения и все так же тыкал пальцем:

– Пакистан, Италия, Испан, Португезе...

Мне было жаль, что Гюнтер не говорил хотя бы по-английски, но никакой возможности пообщаться с ним не было.

Алексей внимательно слушал, смотрел на немца и то и дело кивал, когда тот вдруг начинал о чем-то горячо вспоминать. Наконец, спохватился, нам надо было ехать.

– Ладно, – Алексей с сожалением хлопнул ладонью по столу. – Нам пора! – и он развел руками, показывая, что надо ехать.

Мы втроем вышли к мотоциклам, обошли вокруг старенькой «Хонды» немца, Гюнтер принялся старательно разглядывать нашу «Тенере». Тут уже ничего нельзя было поделаться. Это была традиция: ритуальный танец вокруг мотоциклов. Она происходит каждый раз, как только два незнакомых мотоциклиста встречаются друг с другом. И неважно, где это случается: в центре суматошного города или посреди пустыни. Ритуал обязателен, необходим, без него – нельзя!

Я и сама столько раз наблюдала за собой. И сопротивляешься из последних сил, но тело движется, словно само по себе, без участия разума, инстинктивно, как у пчелы, исполняющей информационную пляску перед сородичами. Это выше понимания!

Однажды открытие мотосезона было назначено у нас в Ангарске. Возглавить колонну мотоциклистов должен был мэр города, некто Н. Колонна ехала из Иркутска, и мэр решил встретить ее на полпути между городами недалеко от Мегета у Еловской горы. Я его – самоуверенного и слащаво улыбчeveго не любила и не скрывала этого в публикациях. Он это знал и платил той же монетой, игнорируя мои вопросы на пресс-конференциях.

Я хотела присоединиться к колонне в городе, но Алексей вдруг заупряился и сказал, что мы непременно долж-

ны встретить колонну в Мегете. Увидев тогда на обочине несколько мотоциклов, мы притормозили, остановились, и пока я снимала шлем и сдергивала с лица бандану, Алексей уже успел за руку поздороваться со всеми. И я вдруг поняла, что он только что пожал руку мэру! Обернувшись ко мне, Алексей скорчил смешную гримасу. Я слезла с мотоцикла, и вдруг произошло непонятное: ноги сами, не слушаясь, понесли меня к мотоциклам мэра и его друзей. Но самое интересное было не это. Самое интересное было то, что я краем глаза видела: подобное происходило и с самим мэром! И ему в свою очередь было крайне любопытно посмотреть, на чем же это я езжу? И мы обреченно исполнили этот странный танец вокруг наших мотоциклов, умудрившись ни разу не встретиться глазами. Инстинкт мотоциклиста оказался сильнее вражды.

На этот раз, исполнив необходимые па, то есть несколько раз обойдя вокруг мотоцикла Гюнтера и разглядев все детали, мы уже стали надевать шлемы, как немец вдруг переполошился.

– О, презент, фрау, презент! – он порылся в сумках и извлек на свет божий крохотный пузырек.

– Одеколон!

Я поднесла пузырек к носу. Действительно, пованивало! Подарки туземцам, так сказать... А отказаться невежливо, расстроишь еще человека... А ведь он... Нет, не воевал, ему тогда было лет тринадцать – четырнадцать, прикинула в уме

я. Воевать не воевал, а вот в «Гитлерюгенде» был наверняка.

Мне вдруг стало не по себе.

Я дернула Алексея за рукав.

– Давай, поехали.

– Да-да!

Он заводил «Ямаху», но все еще оборачивался, что-то говорил, показывая Гюнтеру на прищепки. Тот ласково улыбался и махал рукой.

– Вот это да-а! – сказал Алексей через плечо, когда мы уже отъехали довольно далеко. – Семьдесят восемь лет, а он в Монголию едет! Нашим бы старикам такое... А ведь воевал еще, небось, с нами. Нет? Не воевал?.. Все равно – обидно...

Мы доехали до Красноярска уже поздним вечером. С самого начала мы ехали налегке, и все, что было с собой – это пара гаечных ключей, два свитера и дождевая защита. Ну и деньги в кармане, естественно. Поэтому к одиннадцати часам вечера, когда солнце закатилось далеко за придорожный лес, мы стали искать ночлег. Кемпинг нашли под самым Красноярском, совсем рядом с объездной дорогой.

Собственно говоря, это был не кемпинг, это была охраняемая стоянка для дальнобойщиков, в глубине которой находилась двухэтажная гостиница. Площадка была заполнена фурами, а перед крыльцом гостиницы стояли несколько столиков импровизированного летнего кафе. Из динамиков хрипло орал блатной шансон, юбочки у деланно скаливших-

ся девочек почти не прикрывали попки, а сидевшие за столиками полуголые, щетинистые, пьяные посетители отсвечивали всеми оттенками синих наколок. Куда там жалким байкерским татуировкам до тюремных живописцев!

Алексей пошел узнать насчет номера, а я осталась у мотоцикла, стараясь не терять присутствия духа, и как мне казалось, очень гордо посматривала вдаль.

– А видал я таких по телеку! – вдруг громко сказал один из ээка. Он сидел в пластмассовом кресле. На самом деле было ощущение, что его кто-то туда засунул: из красной пластмассы торчали худые коленки и острые локти. – Навяжут вот так вот мешков и ...башат по дороге! – он перекатил в зубах папиросу, взял ее двумя пальцами, закашлялся и схаркнул мне под ноги.

Хотела я было взвиться и сказать ему про то, что рожденный ползать не сможет даже на мотоцикле ездить, не то что летать, да передумала. И не то чтобы стало трусовато, но все же и про осторожность забывать не надо. До дома-то еще далеко. Но напряглась я зря, тут же на крыльце появился Алексей, который уже договорился о номере, а еще подошел водитель-дальнобойщик – расспросить про мотоцикл. Он оказался опытным мотоциклистом, и мы поговорили с ним, пока отвязывали вещи.

– Я здесь не в первый раз останавливаюсь, здесь надежно, охрана нормальная, а на этих, – он махнул рукой в сторону урока, – не обращайтесь внимания. Что вы хотите, город близко,

ну и используют гостиницу как бордель.

Алексей поставил мотоцикл на платную стоянку для легковых авто, и мы пошли в гостиницу. В номере люкс кровать была убрана багровым покрывалом, на потолке сверкали зеркала. Смывной бачок был неисправен, струя из душа била в сторону. Белье оказалось несвежим. Мы поужинали шоколадом и минеральной водой, расстелили поверх покрывала спальные и сразу уснули. Кого-то, наверное, удивит, что мы так легкомысленно доверились совершенно незнакомому месту, но что поделать, после восьмисот километров дороги нам нужен был отдых...

Мы выехали дальше в семь утра, чтобы до полуденного пекла миновать ближайшие города – Красноярск и Канск. Это нам удалось, но дальше дела пошли хуже. Нет, я не о дороге. Хотя назвать дорогой то, что находится на границе Иркутской области и Красноярского края может только государственный чиновник в порыве особой любви к Родине. И называли, знаю, сама видела и слышала, и даже провоцировала их на такие разговоры, чтобы потом прокомментировать высказывания на страницах газеты.

Под колесами был песок, песчаный туман стоял в воздухе, оседал на куртках, капотах и бамперах. Волны желтого самума накатывали на нас с каждой проходящей фурой. Земля колыхалась под тяжестью грузовиков, а я плотно зажмуривалась после каждой песчаной атаки, чтобы уберечь глаза,

но это не помогало: я не видела перед собой ничего, а уж что видел Алексей, не знаю, спросите у него. Мне почему-то кажется, что он тоже видел не многое, но этого хватало, чтобы удерживать высокую скорость.

– Неплохо идем! – сказала я на остановке. – Километров семьдесят в час, наверное. А то и восемьдесят. Это ведь не «Урал», да? Лучше?

– Да и на «Урале» я бы здесь так же прошел, – отозвался Алексей. – Просто ты меня все время тормозишь. Вечно плетешься позади еле-еле.

Ответить мне было нечего, и я заткнулась. В который раз вспоминать о своих страхах и падениях не хотелось. Говорено – переговорено. В общем-то, я с самого начала не отличалась храбростью при езде по гравийке. Нет, потихоньку, полегоньку я могла куда угодно доехать. Беда была в том, что другие мотоциклисты ждать меня никогда не хотели. По такой дороге я обычно ехала со скоростью в тридцать километров в час. И все. Точка. А вот так! А что хотите со мной, то и делайте! У вас получается лучше? Ну и прекрасно: езжайте быстрее! Езжайте лучше! Мне-то, блин, что с этого?

Именно поэтому мы с Алексеем и стали ездить вдвоем. Впрочем, я не покривлю душой, если скажу, что в последнее время ему здорово надоело меня ждать, и чаще я просто изо всех сил пыталась догнать его. Мне это редко удавалось, он уходил куда-то за поворот, а я, обезумев от страха, вцеплялась в руль и неслась, насколько позволяли подвески мо-

его синего «Урала». Подвески были жесткими, и езда превращалась в пытку: сиденье лупило по копчику, зубы лязгали, но деваться было некуда, это была своеобразная расплата за остальные, более приятные дни путешествия.

Не раз и не два я думала о том, чтобы миновать эту часть дороги поездом или в кузове фуры. Но денег всегда бывало в обрез, и мне снова и снова приходилось покорять эту трассу, выслушивать насмешки дальнобойщиков и видеть демонстративное терпение Алексея.

Ему же любая сложная дорога доставляла удовольствие.

Сейчас «Ямаха» уверенно ныряла в цунами песка, и словно заправский серфингист, выныривала из песчаных волн с другой стороны. Я вдруг проваливалась вниз, потом меня подкидывало вверх, и мы вылетали из песчаного тумана на верхушке очередного холма, чтобы снова прыгнуть вниз...

И вдруг Алексей словно одеревенел. Сбросил скорость, перестал обгонять машины.

– Сцепление пропало! – крикнул он через плечо. – Не выключается! Тащи карту! Смотри, где мы!

– Давай остановимся! Ключи есть, посмотрим, что-нибудь сделаем! – заорала я в ответ, но он словно бы и не слышал.

С трудом я достала карту из сумки, закрепленной на багажнике сзади. Подняла стекло шлема, развернула сложенные листы.

– Скоро Тайшет! Еще километров тридцать! Давай посмотрим, что с мотиком!

Алексей отрицательно помотал шлемом и продолжал ехать, но прежней лихости как не бывало. Несмотря на то, что мы двигались в направлении дома, стало ясно: бесконечно это длиться не может, рано или поздно придется остановиться, чтобы заправиться или поесть. Может, лучше все-таки попытаться отремонтировать мотоцикл?

– Двигатель я вскрывать не хочу и не буду! – заявил мне Алексей, когда мы остановились посередине какого-то поселка, через который шла федеральная трасса. – Фиг его знает, что там с ним, со сцеплением!

– А может быть, это тросик?

– Да нет, не тросик, видишь, он рабочий, это внутри...

Я понажимала на сцепление, посмотрела, вздохнула. Тросик действительно был цел, рычаг двигался.

– Давай вскроем крышку двигателя.

– Ага. Щ-щас! Крышку снимем, наверняка порвем прокладку. Герметика у меня нет, со старой потечет масло. Это не дело.

– Что ж ты герметик-то не взял, чунча?

– А-а, кто ж знал... Я ж думал – он японский, он не ломается, – Алексей зло махнул рукой в сторону мотоцикла.

Надо было срочно придумать, что делать дальше. Помогавшись туда-сюда по улице, Алексей понял, что даже просто

привлечь к себе внимание местных будет непросто: разгар дня, все на работе. Я была уверена, что он сможет отремонтировать мотоцикл, но он почему-то боялся японского двигателя, как огня, хотя в его навыках механика я не сомневалась ни на минуту. Я только недоумевала, почему он не верит в себя. Мы топтались возле запыленного бело-красного мотоцикла и не знали, на что решиться.

– Давай думать рационально, – наконец предложил Алексей.

– Давай. Ехать мы можем?

– Просто ехать? Можем. Я даже потихоньку переключаться могу.

– А с места как съехать?

– Я ж тебе говорил: не надо останавливаться!

Помолчали.

– С толкача? – наконец нерешительно спросила я.

– Ага... Один цилиндр в шестьсот кубов. Ты хоть представляешь, какой там стоит поршень? А какая компрессия?

Но мы все же попробовали, хотя результатов это не дало, наверное, проще было тащить за собой упирающегося осла.

Алексей почесал в затылке:

– Я тут читал где-то, что можно сделать так: садимся!

Лишь бы шестерни выдержали!

Мы оседлали мотоцикл. Алексей включил первую передачу, посоветовал держаться крепче и нажал на кнопку стартера. Наша огромная белая лошадь резко скакнула вперед,

двигатель завелся, мы закричали «Ура!» и поехали дальше!
– Будем переть, пока хватит сил! – крикнул мне Алексей. – Лишь бы «Тэнэра» выдюжила, она ведь для пустыни сделана, вот пусть и покажет себя!

...Трудности только начинались: дорога между Тайшетом и Тулуном считалась самой трудной даже среди дальнобойщиков и перегонщиков. Там, где асфальт отсутствовал, по сути, было только направление, а там, где он лежал, лучше б его не было вовсе: разгонявшиеся на уцелевших кусках хорошей дороги водители не успевали тормозить перед ухабами, убивали ходовую, бились поддонами, а то и вообще догоняли друг дружку на радость очевидцам. У Алексея на неисправном мотоцикле не было возможности затормозить или переключиться и оставалось только молиться, чтобы старенький «Тенере» не подвел, и чтобы хватило надежности шестерней коробки передач.

– Ну, «Тэнэра», выноси!

Мотоцикл вынес. Сквозь пылевую бурю, сквозь полуденную жару и расплавленный воздух, по ухабам, по камням и песчаным гребням он спокойно и как-то даже неторопливо обгонял все попадавшиеся в попутном направлении грузовые и легковые автомобили и к вечеру вынес нас к Тулуну. Много неудобств доставили переезды. По закону подлости, как только у мотоцикла перестало выключаться сцепление,

все шлагбаумы оказались закрытыми, и Алексею приходилось виться мелким бесом между скопившимися машинами, чтобы не останавливаться и ненароком не заглушить мотоцикл.

Несколько раз мы практически подныривали под еще не успевший подняться шлагбаум, вызывая вопли теток в грязных оранжевых жилетах, но поделаться ничего с этим не могли, как не могли даже извиниться перед ними за свое поведение.

Мы проехали через Тулун и остановились на АЗС, надо было заправить бак. Смеркалось. Возле колонок никого не было, по шоссе проезжали редкие авто.

От расплавленного асфальта в городе еще обдавало жаром, как от натопленной печи, а за городом воздух уже остыл. Свежестью веяло от темнеющего леса за заправкой, на свет неярких ламп из густой придорожной зелени слетались мотыльки. Цикады уже завели свою звенящую песню.

Я кое-как слезла с мотоцикла, сняла шлем и постаралась размять затекшие ноги. Заднее сиденье на «Ямахе» было шикарное: мягкое, широкое, руки удобно упирались в багажник. Одно маленькое «но»: подножки расположены слишком высоко. Скрюченные ноги начинало быстро сводить. Обычно мы останавливались через каждые сто километров, чтобы отдохнуть, размяться, поглядеть по сторонам. Но сегодня не до комфорта, а ехать в таком положении было

уже невыносимо, – ноги отнимались. Их можно было свешивать, ими можно было махать туда-сюда, можно было сгибать и разгибать. Но все это не решало проблемы – их все равно приходилось ставить обратно на подножки. Кроме этого, болела спина: ее тоже сводило. А еще я стерла себе кое-что пониже! Вроде бы и старалась не ерзать...

Мне с трудом удалось сделать несколько шагов. Еще бы! С семи утра в седле. А сейчас сколько? Полдвенадцатого!

Алексей враскоряку пошел к кассе – оплатить бензин. Похоже, у него были такие же проблемы.

– А у меня на заднице мозоли! – не без гордости и даже с радостью сообщил он, вернувшись. – Ну что будем делать? Поедем дальше? Ночью?

– Да! – я покивала. Делать и в самом деле было нечего: до дома оставалось около трехсот пятидесяти километров, бака в двадцать пять литров должно было хватить до самых ворот гаража. – Сильно устал?

– Выдюжу, – равнодушно ответил Алексей. – Давай только теплые вещи наденем, чтобы не останавливаться.

И мы поехали! В ночь, в темноту, в неизвестность. Уставшие, голодные. Неважно. Главное было добраться до дома. После того как темнота облепила мотоцикл со всех сторон, а спина и ноги окончательно затекли, мы потеряли счет времени. Только темень, шум двигателя, свист ветра и слепящие фары встречных машин. Только километровые столбы

да дорожные знаки, мелькающие в свете фары. Отличной, между прочим, фары, это вам не слабенький «огонек» «Урала», когда кажется, что спереди к мотоциклу привязан детский фонарик с древней лампочкой накаливания. Фара лупила вдаль, и некоторые встречные машины даже мигали, мол, хватит, имей совесть, включи ближний!

Тогда Алексей на мгновение включал дальний свет, давая понять, что со своей стороны чтит правила дорожного движения, и машины унимались и тихонько старались проскользнуть мимо нас. Наверное, они думали, что мы – окосевший на одну фару «Лэнд Крузер»...

Шерагул, Тулюшка, Куйтун, Харик... Голубые указатели исчезали в темноте. Дорога была знакомой и однообразной: поворот направо, – справа поле, потом прямо, потом поворот налево – через лес, потом подъем в сопку, спуск, снова подъем, снова поворот направо, справа – поле...

Мы ехали, ехали, ехали... Постепенно стало казаться, что, сделав где-то в темноте петлю Мебиуса, мы снова оказались у Тулуна и опять поехали от него в Ангарск!

Новонукутский, Залари, Владимир, Кутулик... Стоп! Кутулик вроде бы был. Сразу за Тулуном? Или нет? Или там был Култук? Да нет, Култук на Байкале!... Это же Кутулик? Нет? А Утулик? А, это опять на Байкале!

Мысли путались, и в темноте от усталости я уже могла поверить в любую чертовщину.

– Под Тулуном был Куйтун, а это Кутулик, – разрешил

мои сомнения Алексей и рассмеялся, – хотя очень похоже, что мы едем с самого начала! Это верно.

...А потом я посмотрела налево и увидела, как над далеким холмом брезжит рассвет. Мы пролетели сквозь ночь, как сквозь радугу. Я тронула Алексея за рукав, и он радостно закивал головой. Радость была недолгой: мы устали. Мне приходилось теперь не только разминаться самой, но то и дело через дождевик и куртку хоть как-то растирать Алексею плечи и руки. Я терла ему кулаками спину и тихонько поругивала, чтобы не вздумал заснуть. Иногда он свешивался с мотоцикла то вправо, то влево, вставал на подножках, затем начинал энергично приседать, отчего весь мотоцикл ходил ходуном. Ему тоже было невмоготу. Я пробовала сесть на сиденье боком, потом другим, но это помогало ненадолго, собственно, просто сидеть уже не хватало никакой выдержки. Когда рассвело и похолодало, руки и ноги окончательно онемели, и иногда я начинала тихонько подвывать.

В Усолье мы нагло проехали на красный свет перед носом у обалдевших автоинспекторов. Они проводили нас взглядом и тут же остановили несколько машин, ехавших следом, – это неслись на автомобильный рынок в Иркутск местные. Наверное, инспекторы ГИБДД приняли нас за призрак, а может, снова за иностранцев – немцев, англичан, голландцев?

Ангарск нас встретил своеобразной демонстрацией здешних обычаев: на обочине у виадукса объездной дороги стояла «копейка», рядом переминалось несколько парней. Один из них, рослый хлопец, на лице которого не оставила тени ни одна мало-мальски достойная мысль, увидев нас, вдруг подскочил к дороге. Куртешка распахнулась, футболка натянулась на толстом животе. Он взмахнул крупным кулаком и с хлопком вогнал его в растопыренную пятерню другой руки, показывая, с каким удовольствием он бы ударил Алексея по шлему.

– Бац! – завопил он со злобным восторгом дикаря-язычника.

Алексей недоуменно пожал плечами, проезжая мимо. А я к своему стыду и, одновременно, восторгу, не удержалась и наконец-таки сделала то, о чем давно тайно мечтала: показала незнакомцу самый знаменитый жест мотоциклистов – средний палец!

Перчатки на мне были теплые, толстые, и «Ф*к!» оказался весьма внушительным. В том, что в случае чего мы без проблем уйдем от «копейки», я не сомневалась ни минуты. Но за нами никто не погнался.

Пустынный утренний город был молчалив. Алексей не притормаживал даже на «лежачих полицейских», длинноногий мотоцикл легко проглатывал все неровности дороги. Мы ехали, ехали, ехали и остановились только у ворот гаражного кооператива. Ну конечно же, они были закрыты!

До шести утра. А сейчас... Сейчас только четыре тридцать. Я постаралась нащупать одеревеневшей ногой землю, и вдруг мотоцикл опрокинулся на бок. Мы кувыркнулись с высокого сиденья в пыльный бурьян обочины. Мотоцикл подняли с трудом, Алексей опасался за выступающий бак, но на мотоцикле не было ни царапинки, только от удара повернулся рычаг тормоза на руле.

Сначала засмеялся он, потом – я. Сначала – тихо, потому – все громче и громче.

– Ой, не могу! – хохотал Алексей. – Это надо же! Столько проехать и так бездарно свалиться! О, смотри, да ведь тут не закрыто.

И в самом деле, ворота были просто притворены. Я распахнула одну створку, и Алексей, поймав «нейтралку», докатил мотоцикл до гаража.

Таксист, который вез нас до дома, брезгливо косился на нашу пыльную одежду и грязные волосы. А мы? Мы были счастливы, не больше и не меньше! В гараже стоял японский шестисоткубовый эндуро, а значит, впереди нас ждали приключения! За сутки на неисправном мотоцикле Алексей проехал тысячу двести километров, следовательно, «Тенере» был способен на многое. На что именно – Алексей хотел выяснить в ближайшее время.

Глава вторая

Нам не страшен серый волк...

...Ну вы, конечно же, хотите знать, что было с мотоциклом. А ничего. Два дня я уговаривала Алексея вскрыть движок, но он согласился это сделать только после того, как я «скачала» с интернета руководство по эксплуатации. Два дня мы отлеживались дома и мазали друг другу мягкие места зеленкой.

Когда вскрыли двигатель, быстро выяснилось, что неполадку можно было устранить в дороге: просто отвернулся прижимной болт сцепления или, как его называл Алексей, «грибок». То есть мы сами себе устроили отличное приключение. Ладно, хоть мотоцикл выдержал такое издевательство!

Мой мотоцикл мы приобрели более простым и менее романтичным способом: по интернету в том же «Новосиб-Мото». Нет, это не говорит о том, что мы были рады наступить на одни и те же грабли дважды, просто взвесив все «за» и «против», мы поняли, что по нашим деньгам, видать, только такие старенькие мотики. Тем более что в «Тенере» не было ничего такого, чего нельзя было бы отремонтировать. А тут в продаже появился почти такой же

мотоцикл, только чуточку поменьше и чуточку полегче – «Yamaha XT400 Artesia».

Пришлось взять кредит. Я думала продать свой маленький, черный «Кавасаки» и рассчитаться с банком, но надо было подождать, – уже накатывала осень, а кто покупает мотоцикл осенью? Только такие оторвы, как мы!

Я не питала никаких иллюзий по поводу состояния мотоцикла и даже не удивилась, когда вместо мотоцикла из почтово-багажного вагона грузчики спустили кусок грязи. Прежде чем просто рассмотреть мотоцикл, его надо было как следует отмыть. Проводник-грузин с одной намыленной щекой и помазком в руке печально наблюдал, как мотоцикл едет по перрону в смешной, маленькой тележке. Печальна была и я: повезти мне не могло, не должно было по всем законам подлости! Ну а раз так, отчаиваться не стоило. Да я и не отчаивалась, даже когда обнаружила, что в мотоцикле неисправен моноамортизатор. Чего-то в этом духе я ожидала.

– Зато у него движок нормальный! – утешил меня Алексей. – Ну что ты хочешь за такие деньги?

– За восемьдесят три тысячи? Хочу исправный мотоцикл! Но это ведь всегда так: раз деньги уплачены, можно наплевать на все!

По документам оказалось, что на мотоцикле пару месяцев ездил кто-то из владельцев мотосалона. Загубив аппарат, он

решил его продать, избавиться от проблем. Нет, моноамортизатор наверняка бы отремонтировали, если бы на мотоцикл так быстро не нашелся покупатель... То есть я, дурочка! А еще супермеханикусы чем-то натерли весь пластик мотоцикла, видимо, подготовив его к основательной полировке, и пластик стал матовым. Но это были мелочи. А вот то, что они, скрывая ржавчину на спицах, покрасили спицы и хромированные обода алюминиевой краской из баллончика, я им простить не могла. Это же варварство – так уродовать мотоцикл! Пусть даже и эндуро!

Нам оставалось засучить рукава и за зиму привести мотоциклы в порядок: откапиталить «Тенери», заменить амортизатор на «Артесии», поменять сальники, цепи, фильтры, проделать кучу другой не менее полезной работы. Но мы все это сделали, вынесли, выдюжили и в физическом, и в моральном, и в финансовом смысле. Нас ждало впереди приключение. Приключение, без которого жизнь наша становилась бессмысленной и неудобной, без которого мы оба становились несчастными, маленькими, обычными людьми.

Нет, серьезно! Городская квартира слишком тесна, чтобы в ней без ссор и трений могли уживаться мужчина и женщина. За зиму мы надоедали друг другу, и только осознание того, что скоро нас ждет дорога, примиряло нас. А осенью, после всех трудностей мы с новой силой понимали, насколько зависим друг от друга, насколько тонка ниточка, на которой висит человеческая жизнь, насколько полно мы дополняем

друг друга: он – как сильный мужчина и защитник, способный постоять за себя и заступиться за меня, и часто – найти выход из, казалось бы, безвыходной ситуации, и я – как более слабая, но зато и более авантюрная женщина, которая всегда может позаботиться о бытовых мелочах, и которая всегда может придумать, куда бы съездить на этот раз, но не всегда адекватно оценивающая свои силы.

В общем-то, мы были оба-два. И ни один из нас ни за что бы не отказался от путешествия на мотоциклах в пользу, например, отдыха на Красном море. Или хорошей работы. Или денег. Только там, в дороге, мы понимали, что друг без друга – мы, каждый из нас – только половинка целого, только часть чего-то большего. Важная, нужная и полноценная часть, но – часть. И только в тайге, в горах, в степях, под проливными ливнями и ураганными ветрами, под символической защитой палаточного тента мы становились чем-то целым, чем-то единым, тем, чем мы должны быть всегда. И не было тогда для меня ничего надежнее, чем его плечо, и не было ничего вкуснее, чем мной порезанный последний хлеб, и горечь крепкого чая становилась слаще самого сладкого алтайского меда, и тонкие платочные вязочки держали крепче стального канта, и не было мочи ехать дальше, но мы вставали – и ехали, находя силы в глубине души, в глубине сердец. Ехали, потому что понимали – помочь друг другу можем только мы сами. Больше никого в мире нет. Точка.

Ой-ой-ой! Я уже вижу, как начинают хмуриться бро-

ви brutальных мужчин! «А как же братишки? – слышится хриплый бас. – Женщина нас ни в грош не ставит! Да нас только крикни!.. Да мы!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.